

ЮРИЙ ПАВЛОВ

СТАТЬИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
“ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС”
И “ПУШКИН”
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЮДМИЛЫ
САРАСКИНОЙ

Фёдор Михайлович Достоевский, 200-летие которого мы отмечаем в этом году, один из самых великих писателей мировой литературы. Однако его личность и творчество являются объектом испепеляющей ненависти и сплетен русофобов XIX–XXI веков. Такое отношение к писателю обусловлено, прежде всего, следующими причинами: православной русскостью и убеждённым монархизмом Достоевского, антизападнической и антибуржуазной направленностью его прозы и публицистики, своеобразным отношением к еврейскому вопросу.

Поэтому в книге Людмилы Сараскиной “Достоевский”, вышедшей в серии “ЖЗЛ” в 2011 году, нас будет интересовать главным образом то, как на примере самых известных статей Достоевского “Еврейский вопрос” и “Пушкин” интерпретируются взгляды их автора по вопросам, во многом определяющим отношение к нему.

* * *

“Достоевский – антисемит”. Так характеризуют писателя многие либеральные авторы XIX–XXI веков (и не только они). Современные же исследователи жизни и творчества великого писателя в большинстве своём предпочитают еврейский вопрос в восприятии Достоевского не рассматривать или говорить о нём поверхностно, вскользь. Книга Людмилы Сараскиной “Достоевский” [15] выделяется на этом фоне, в ней есть часть с говорящим названием “Еврейский вопрос”. Нам предстоит выяснить, насколько жизнеописатель Достоевского точно, глубоко и всесторонне передал позицию гениального мыслителя, нашедшую воплощение именно в “Дневнике писателя” и письмах.

В главе “Если только все захотят...”, в разделе “Еврейский вопрос” Людмила Сараскина в целом верно характеризует позицию Достоевского, как она выражается, по “больной теме”, вынесенной в название главы “Дневника писателя”.

Л. Сараскина, в отличие от Владимира Соловьёва, Алексея Лосева и многих других, о которых уже приходилось писать в статье “Иски” русской классике” [13], убедительно опровергает расхожий миф об антисемитизме Достоевского. Она последовательно цитирует высказывания самого писателя, которые игнорируются сторонниками версии о его евреененавистничестве. При этом Сараскина не просто транслирует мысль Достоевского, что он “никогда не испытывал к евреям ненависти как к народу”, но и подтверждает справедливость этой мысли примерами.

Ещё в 1862 году Достоевский, издатель и автор “Времени”, полемизирует по еврейскому вопросу со славянофильской газетой “День”, позицию которой называет “слепую враждою” [15, с. 674], ибо большая часть еврейского народа находится в “стеснённом” положении. Это положение, добавим от себя, ничем не отличалось от положения социальных низов других народов России, начиная с русского. Через 15 лет в статье “Еврейский вопрос”, в заключительном разделе с говорящим названием “Но да здравствует братство!” Достоевский предлагает универсальную формулу решения любого национального вопроса: “Для братства, для полного братства нужно братство с обеих сторон” [2, с. 87].

Миф об антисемитизме Достоевского опровергается Сараскиной и на фактологическо-житейском уровне. Софья Лурье, “еврейская девушка, дочь банкира из Минска” [15, с. 675] до и после публикации “Еврейского вопроса” обращается к её автору не только за интимными советами (замужество и т. п.), но и просит её “благословить на поездку в Сербию санитаркой” [15, с. 675–676], где шла русско-турецкая война.

Сараскина права и в том, что Достоевский “недооценивал “обиды словом” – оно задевало и обижало, кажется, куда больше, чем все прочие рассуждения” [15, с. 672]. Действительно, слова “жид”, “жидовщина”, “жидовское царство”, на которые обычно делают ударение авторы, обвиняющие писателя в антисемитизме, символизируют у Достоевского “идею буржуазности”, возведшую “материальный достаток в высший принцип” и узаконившую “представление о свободе как о личном богатстве” [15, с. 672].

Такое видение вопроса, учитывая тонны лжи, написанные по данному поводу, думаем, нужно было подтвердить соответствующими цитатами Достоевского. Первым это сделал ещё в 1980 году Юрий Селезнёв в книге “В мире Достоевского”, где показал художественное и жизненное проявление “жидовской идеи” как идеи буржуазной, эгоцентрической, ротшильдовской [16, с. 300–307].

Странно и одновременно ожидаемо, что в книге Сараскиной (как и И. Волгина, а также большинства достоевсковедов) отсутствуют ссылки на эту во многих отношениях новаторскую работу. Не повторяя сказанного гениальным кубанцем, приведём примеры, которые, наверняка, усилили бы доказательную базу Сараскиной и всех тех, кто обращается к данной проблеме.

В письме к Константину Победоносцеву от 9 (21) августа 1879 года Достоевский сообщает: “. . . по моему взгляду, Германия, Берлин по крайней мере, страшно жидовится. И вот здесь в “Московских ведомостях” прочёл выдержку из одной только что появившейся в Германии брошюры: “Где же тут жид?”. Это ответ одного жида же одному немцу, осмелившемуся написать, что Германия жидовится ужасно во всех отношениях. Нет жида, отвечает брошюра, и везде немец, но если нет жида, то везде влияние еврея. Ибо, дескать, еврейский дух и национальность выше германской, и действительно, привили к Германии “дух спекулятивного реализма” и проч., и проч. Таким образом, мой взгляд оказался верным: немцы и жида сами об этом свидетельствуют. Но помимо спекулятивного реализма, который и к нам рвётся, Вы не поверите, как здесь всё бесчестно, то есть в торговле по крайней мере, и проч. Теперешний немецкий купец не то что обманывает иностранца (это ещё бы простительно), но его обворовывает буквально. Когда я здесь на это жаловался, то мне отвечали смеясь, что и с своими так же поступают” [6, с. 104–105].

В рабочих тетрадях за 1876 год, откликаясь на крушение поезда с рекрутами (в результате чего погибли 200 человек и 400 получили ранения), Достоевский замечает: “. . . тут совсем и не о акционерах дело, а просто о нескольких жидах христианских и нехристианских (разрядка наша. — Ю. П.)” [1, с. 104]. В полном собрании сочинений Достоевского в 30-ти томах в томе 24-м даются четыре комментария к странице, где находится самый большой фрагмент – отклик на трагическое событие [1, с. 423–424]. Однако именно этот

отклик (убеждены, из-за слов “о торжествующих жидах”) обойдён вниманием комментаторов. Аналогично прореагировали они и на запись, в которой писатель вновь обращается к данной теме: “Крушения поездов <...> Дороги, да ведь это дело народное, общее, а не нескольких жидашек и не нескольких действительных статских и тайных советников, бегающих у них на посылках <...> Никогда ещё ничего подобного не было на Руси” [11, с. 112-113].

“Не заметили” это отнюдь не частое событие в жизни России, вызвавшее такую горячую реакцию Фёдора Михайловича, и современные достоевковеды во главе с Л. Сараскиной и И. Волгиным. Ответ на конкретный вопрос, кого же имеет в виду писатель, мы находим у историка Ивана Дронова. Он изложение ситуации вокруг железных дорог завершает второй из приведённых нами цитат Достоевского.

Итак, в книге Дронова “Император Александр III и его эпоха”, вышедшей тиражом в 300 экземпляров, но, понятно, не по этой причине не замеченной пишущей братией, подробно, со ссылками на многочисленные источники рассказывается, как во время либеральных экономических реформ Александра II через коррупционные схемы к середине 1870-х годов “практически все железные дороги России перешли в частные руки” [7, с. 203]. Это привело к тому, что дороги находились в плачевном состоянии. Именно на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге, принадлежавшей Самуилу Полякову (спонсору либеральных газет “Голос” Андрея Краевского и “Московского телеграфа” Игнатия Родзевича), произошло крушение поезда, вызвавшее двойной отклик Достоевского. Более того, “на выстроенной Поляковым Азовско-Харьковской ветке, которую и сам Александр III как-то в сердцах назвал “жидовской дорогой”, в октябре 1884 года потерпел крушение царский поезд, когда чуть не погибла вся августейшая семья...” [7, с. 204].

Это поучительно-современная история закончилась так: Александр III, лучший правитель в истории России, выкупил в казну частные железные дороги, а частное их строительство было прекращено.

Ценой же возрождения России стала жизнь Александра III, павшего жертвой антирусских, антигосударственных сил, внутренних и внешних. А тот путь, по которому вёл страну Александр II (о нём неоднократно в духе ложных либеральных стереотипов говорит Л. Сараскина), был путь к утрате Россией экономической и государственной независимости. Поэтому несостоявшуюся конституцию Лорис-Меликова (о ней всё с тех же позиций ведётся речь в конце книги Сараскиной), позже воплощённую в жизнь Николаем II, мы оцениваем принципиально иначе – как смертельный приговор той форме государственного устройства России, которую Ф. М. Достоевский справедливо считал единственно приемлемой. И, наконец, “образы” главных персонажей эпохи (Александра II, Александра III, Михаила Каткова, Ивана Тургенева и т. д.), представленные в работе Сараскиной, вызывают у нас многочисленные вопросы.

Например, испытываешь чувство неловкости, когда читаешь подобные фантазии на исторические темы: “Жестокий испуг, внушённый Александру III смертью отца и наставлениями обер-прокурора, который называл все конституции “великой ложью своего времени”, на четверть века “подморозит” внутреннюю политику государства...” [15, с. 777].

Во-первых, когда у пишущего такая очевидная понятийно-событийная путаница в голове (которую, думаем, нет смысла комментировать), тогда и рождаются подобные “шедевры”: “испуг <...> “подморозит” внутреннюю политику государства”. Да и ещё на “четверть века”, в то время как якобы жестоко испугавшемуся Александру III осталось жить 13 лет.

Во-вторых, пророческая статья Константина Победоносцева называется всё-таки “Великая ложь нашего (а не “своего”, как у Сараскиной. – Ю. П.) времени”.

Периодически Л. Сараскина ссылается на неназванных авторов, чья политическая и человеческая позиция очевидна. Эти безымянные авторы – явно не единомышленники Достоевского, противники самодержавно-традиционной России. И понятно, что восприятие времени и конкретных людей, увиденных их и только их глазами, вызывает несогласие, как, например, в следующем случае.

“Повешенным террористам (убийцам Александра II. – Ю. П.) немедленно начнут симпатизировать...

Мог ли предположить Достоевский, что его духовный покровитель (К. Победоносцев. — Ю. П.) осуществит свою охранительную деятельность в России таким образом, что ещё при жизни будет назван “Великим инквизитором” и “Торквемадой”? “Атеистический дух инквизитора движет Победоносцевым, он, подобно этому страшному старику, отвергает свободу совести, боится соблазна для малых сих”, — напишет Н. А. Бердяев в 1906-м, в год смерти Победоносцева” [15, с. 777-778].

Террористам, живым или повешенным, духовно здоровые люди не симпатизировали и никогда не будут симпатизировать. Что же касается “охранительной деятельности” Константина Победоносцева, то о положительных её результатах нам приходилось писать, полемизируя с устойчивым леволиберальным мифом [12, с. 26–28]. То, как Сараскина характеризует обер-прокурора Синода, свидетельствует, что и она находится в плену этого абсурдного мифа. И, конечно, не имеет значения, что он подкрепляется цитатой Николая Бердяева, который в случае с Победоносцевым, как и во многих других (с Ф. Достоевским, Л. Толстым, Н. Гоголем и т. д.), абсолютно не прав.

Непонятно, как, занимаясь столько лет Достоевским, Сараскина не прониклась отношением писателя к Победоносцеву, не поняла всю бредовость инквизиторского мифа об одном из умнейших и достойнейших современников Фёдора Михайловича.

За 30 лет до выхода рассматриваемой книги Анатолий Ланщиков в статье “Предотвратить ли думою грядущее” продемонстрировал принципиально иной, православно-государственный уровень понимания личности и деятельности Победоносцева — “самого верного и строгого апостола старой России” [8, с. 485]. Критик, определяя позицию Победоносцева и опровергая расхожее мнение, справедливо писал: он “не Россию хотел “подморозить” <...>, а те язвы на её организме, которые обещали разрастись в страшную болезнь” [8, с. 481]. Или в уже названной книге И. Дронова титанически-героическая деятельность Победоносцева раскрывается с опорой на преимущественно архивные и малоизвестные источники. Но, как мы видим, во многих современных публикациях, в том числе достоевсковедов, Победоносцев остаётся для большинства авторов по-прежнему “неузнанным феноменом”, инквизитором, простёршим над Россией “совиные крыла” (А. Блок).

Из приведённых некоторых цитат и других высказываний Достоевского ясно, что, рассуждая о “жидовской идее”, он периодически говорит о её разно-национальных носителях, евреях в первую очередь. Обратимся к двум суждениям Достоевского из его писем 1878 года к Н. Грищенко и В. Пуцьковичу: “Вы вот жалуетесь на жидов в Черниговской губернии, а у нас здесь в литературе уже множество изданий, газет и журналов издаётся на жидовские деньги жидами (которых прибывает в литературу всё больше и больше), и только редакторы, нанятые жидами, подписывают газету или журнал русскими именами — вот и всё в них русского. Я думаю, что это только ещё начало, но что жида захватят гораздо ещё больший круг действий в литературе; я уже до жизни, до явлений текущей действительности не касаюсь: жид распространяется с ужасающей быстротой. А ведь жид и его кагал — это всё равно, что заговор против русских!” [6, с. 6]; “Одесса, город жидов, оказывается центром нашего воюющего социализма. В Европе то же явление: жида страшно участвуют в социализме, а уже о Лассалях, Карлах Марксах и не говорю. И понятно: жиду весь выигрыш от всякого радикального потрясения и переворота в государстве, потому что сам-то он status in status (государство в государстве. — Ю. П.), составляет свою общину, которая никогда не потрясётся, а лишь выиграет от всякого ослабления всего того, что не жида” [6, с. 43].

Люди недобросовестные или недалёкие увидят в этих высказываниях Достоевского проявления антисемитизма. На самом деле писатель ставит точный диагноз разноплановым явлениям современной ему жизни. События рубежа XIX–XX веков (и многие другие) доказали правоту Достоевского. Действительно, мягко говоря, немало евреев (в первую очередь, сильные мира сего) на протяжении десятилетий вели против традиционно-самодержавной России открытую и скрытую войну и, в конце концов, вместе с выродками всех народов страны, с обманутыми и обманувшимися, наивными людьми уничтожили русское царство. Сей факт признавался и признаётся многими авторами XX–XXI веков, честными евреями в том числе.

Однако в достоевсковедении, как и во многих других областях наукознания, данная тема практически обходится стороной, как и приведённые нами цитаты. Людмила Сараскина в своей книге следует этой безопасной и непродуктивной традиции. В результате не только сознательно оскопляются взгляды Достоевского, но и значительно искажаются представления о литературно-журнально-издательской и политической жизни России 1860–1880 годов.

Людмила Сараскина, ведя речь об отношении Достоевского к евреям, почему-то ничтожно мало внимания уделяет статье писателя “Еврейский вопрос”. То ли автор жизнеописания по каким-то причинам не хочет озвучивать и оценивать высказывания Достоевского, то ли не умеет анализировать такого рода тексты, переходя на пересказ известных источников и жизненных историй.

Определённость в данном вопросе появится, если поймём, какие высказывания Достоевского остались вне поле зрения Сараскиной: часто умолчание, разного рода лакуны характеризуют автора не меньше, чем им написанное. Для прояснения ситуации и получения более полного представления о позиции Сараскиной (и Достоевского) по данному вопросу приведём некоторые принципиальные суждения писателя.

В первой части статьи Достоевский цитирует письмо еврейского автора, фамилию которого он сознательно не называет. Примечательно, что им был А. Г. Ковнер, сотрудничавший с либеральным “Голосом” Андрея Краевского и Самуила Полякова. Ковнер транслирует идеи и аргументы, типичные для противников и ненавистников Достоевского, обвиняющих его в антисемитизме. Вот одно из характерных высказываний: “Между тем вы, говоря о “жиде”, включаете в это понятие всю страшно нищую массу трёхмиллионного еврейского населения России, из которых два миллиона 900 000, по крайней мере, ведёт отчаянную борьбу за жалкое существование, нравственно чище не только других народностей, но и обоготворяемого вами русского народа” [2, с. 76].

В высказывании Ковнера кричаще проявляется тот национальный эгоцентризм, высокомерие, о которых Достоевский говорит неоднократно и в данной статье, и в других текстах. Писатель на удивление мягко реагирует на эти оскорбительно-несправедливые слова, адресованные русскому и другим народам.

Сначала Достоевский, обращая внимание на “ярость нападения и на степень обидчивости” автора письма, иронично замечет: “Положительно у меня во весь год издания “Дневника писателя” не было таких размеров статьи против “жида”, которая бы могла вызвать такой силы нападение” [2, с. 76]. Затем Фёдор Михайлович с редким для него спокойствием, хладнокровием отвечает Ковнеру: “...почтенный корреспондент, коснувшись в этих немногих строках своих и до русского народа, не утерпел и не выдержал, и отнёсся к бедному русскому народу несколько слишком уж свысока. Правда, в России от русских-то не осталось ни одного не проплёванного места (словечко Щедрина), а еврейю тем “простительнее”. Но во всяком случае ожесточение это свидетельствует ярко о том, как сами евреи смотрят на русских” [2, с. 76].

Письмо Ковнера, гадливо-брезгливое отношение евреев к русским на картине (о чём рассказывает Достоевский во второй части статьи) и многое другое свидетельствует, по мнению писателя, не только о национальных предрассудках, но и о ненависти евреев к народу, который так часто обвиняется в антисемитизме.

Достоевский не раз подчёркивает: для него еврей (как и, добавим, русский) – понятие религиозное. Поэтому истоки предрассудков, ненависти, негативных национальных черт (высокомерие, самомнение, чрезмерная обидчивость, свержестокость к тому, кто не еврей и т. д.) писатель видит в иудаизме. Вера евреев во многом обусловила их сорокавековое особое положение в мире, именуемое Достоевским “государство в государстве”.

Смысл этого понятия писатель раскрывает в третьей части статьи. Приведём самое ударное место её, которое, как правило, обходят стороной достоевсковеды и либерально-ориентированные авторы: “...отчуждённость и отчуждённость на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность – еврей, а другие хоть есть, но всё равно надо считать, что как бы их и не существовало. “Выйди из народов и составь свою особь, и знай, что с сих пор ты един у бога, остальных истреби или в рабов обрати, или эксплуатируй. Верь в победу над всем

миром, верь, что всё покорится тебе. Строго всем гнушайся и ни с кем в быту своим не общайся. И даже когда лишишься земли своей, политической личности своей, даже когда рассеян будешь по лицу всей земли, между всеми народами, — всё равно верь всему тому, что тебе обещано, раз навсегда верь тому, что всё сбудется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй и — ожидай, ожидай...” [2, с. 81-82].

У русских же, считает Достоевский, есть только национальные предрассудки, но нет, утверждает он, настаивая, “(положительно нет!) религиозной ненависти к еврею” [2, с. 87]. Это убеждение писатель вынес из Омского острога, из спокойного и “почти уважительного” отношения русских каторжан к молящимся “с криками” евреям.

Один из предварительных выводов Достоевского таков: в “нашем разъединении”, то есть в разъединении русских и евреев, виновны “обе стороны”. Дважды в статье писатель не отвечает на вопрос, им самим задаваемый: какой из народов больше виновен в сложившихся национальных взаимоотношениях. Лишь в четвёртой, последней, части даётся ответ. Он, как мы увидим, формулируется в контексте идеи законодательного уравнивания евреев в правах с государствообразующим народом: “...с русской, с коренной стороны нет и не вижу препятствий в расширении еврейских прав, но утверждаю зато, что препятствия эти лежат со стороны евреев несравненно больше, чем со стороны русских, и что если до сих пор не создается того, чего желалось бы всем сердцем, то русский человек в этом виновен несравненно менее, чем сам еврей” [2, с. 86].

Достоевский ещё раз говорит, что он сторонник полного и окончательно уравнивания евреев в гражданских правах с русскими. Такого решения вопроса, по мнению писателя, требует “Христов закон”, справедливость, и в этом состоит суть христианской позиции, суть, добавим, христианского гуманизма. Одновременно Достоевский опасается, что в результате реализации подобного закона в России “идея жидовская” заменит “неудавшееся” христианство”, как это произошло в Европе и США [2, с. 85]. А русский народ окажется в ещё худшем положении, чем при крепостном праве или “татарщине”. Поэтому Достоевский озвучивает идею, условно говоря, отложенного, постепенного равноправия.

Такая позиция писателя может показаться противоречивой, о чём говорит он сам. Достоевский вынужден объяснять, что его кажущаяся двойственность, его опасения продиктованы жизненными реалиями: фактами, почерпнутыми из “Вестника Европы”, “Нового времени”, писем корреспондентов и, конечно, личных заграничных впечатлений, о которых в статье Достоевский не вспоминает.

Пугающая писателя реальность выглядит так. Идея “государства в государстве” не только несёт неуважение и безжалостность “ко всякому народу и племени, и ко всякому человеческому существу, кто не есть еврей” [2, с. 85], но и возводит эти качества в добродетель, в высшие принципы, направленные для достижения материального благополучия как главной жизненной цели.

Прекрасно понимая, какая последует реакция на такую версию происхождения, Достоевский ненадуманность её, свою, можно сказать, адекватность подтверждает так: “Стало быть недаром же всё-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталом, недаром же они властители кредита и недаром, повторяю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше, — конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их царство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, материализм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей. Засмеются и скажут, что это там вовсе не от евреев. Конечно, не от одних евреев, но если евреи окончательно восторжествовали и процвели в Европе именно тогда, когда там восторжествовали эти новые начала даже до степени возведения их в нравственный принцип, то нельзя не заключить, что и евреи приложили тут своего влияния” [2, с. 85].

Подводя итоги, Достоевский утверждает, что законодательное решение еврейского вопроса состоится тогда, когда наступит “братство с обеих сторон”. Оно как реальность зависит во многом от лучших представителей еврейского народа, “насколько сами они способны к новому и прекрасному делу настоящего братского единения с чуждыми им по вере и по крови людьми” [2, с. 88].

В XX веке еврейский вопрос был решён не по Достоевскому. Сегодня, как и в минувшем столетии, русский вопрос не менее актуален, чем еврейский в XIX веке. Правда, такого внимания общественности и людей пишущих русский вопрос, по понятным причинам, к себе не вызывает. Чтобы не совершать ошибок в решении его, как и любого национального вопроса, нужно помнить формулу Достоевского о “братстве с обеих сторон” и понимать, что она не плод фантазий великого писателя. Об этом, если вернуться к теме нашей статьи, свидетельствуют, в частности, судьбы этнических евреев: Валентина Непомнящего, Игоря Золотуского, Юнны Мориц, Наума Коржавина, Александра Факторовича, Исраэля Шамира...

Людмила Сараскина аналогично заканчивает раздел о еврейском вопросе. Только “счастливым подтверждением возможности братства с обеих сторон” является у неё история немца-протестанта, доктора Гиндербурга [8, с. 675–676]. О ней Достоевский рассказывает в третьей главе “Дневника писателя” за 1887 год “Похороны “общечеловека” [2, с. 88–92].

Итак, Людмила Сараскина, в отличие от большинства достоевсковедов, не только не обходит стороной тему еврейского вопроса в публицистике и жизни Достоевского, но и рассматривает её преимущественно с продуктивных позиций. Она доказательно опровергает миф о Достоевском-антисемите, но неточно передает позицию великого писателя по этому “щекотливому вопросу”. Многие важные составляющие еврейско-русских отношений остались вне поля зрения Сараскиной. К тому же она не преодолела левые, в том числе либеральные, мифы в восприятии исторических деятелей: Александра II, Александра III, Константина Победоносцева, Михаила Каткова и других. Эти деятели по-разному способствовали и препятствовали национальному развитию страны в целом и решению еврейского вопроса в частности. Думается, расширение контекста (цитирование высказываний ненавистников Достоевского и использование в тексте историко-политических и финансово-литературных реалий XX–XXI веков и т. д.) помогло бы понять, каким провидцем оказался Ф. М. Достоевский в понимании всегда актуальнейшего и опаснейшего еврейского вопроса.

* * *

“Пушкинская речь” – одно из главных событий в жизни Достоевского – наглядно показала масштаб личности писателя, его мыслительное, духовное превосходство над всеми “говорящими головами” – участниками событий, в первую очередь, – над И. С. Тургеневым. Этим, думается, должно быть обусловлено особое внимание пишущих о Достоевском и к самой речи, и к идейно-событийному контексту, её обрамляющему. Рассмотрим, как сей жизненно-творческий сюжет биографии писателя представлен в книге Людмилы Сараскиной, выясним, насколько идеи “Пушкинской речи” адекватно оцениваются автором этой работы и мыслителями, чьи имена в данном контексте возникают.

В книге Сараскиной о пушкинских днях и речи Достоевского говорится на восьми страницах, что составляет 1/100 часть увесистого “кирпича” в 825 страниц. Показательно, что увлечению писателя Аполлинарией Суловой или его игровой страсти уделяется в три раза больше места. По ходу заметим, на фактологически-интерпретационном уровне в названные, оскомину набившие сюжеты ничего нового не вносится.

Главное же – анализ “Пушкинской речи” в книге Сараскиной отсутствует, она представлена всего лишь двумя высказываниями Достоевского. Другие же источники в данном разделе книги цитируются с большей охотой. Вообще неавторская составляющая на этих восьми страницах и в книге в целом значительно превышает авторскую.

Трудно также понять логику использования источников. Почему, например, отрывки из писем Достоевского жене занимают гораздо большее место,

чем фрагменты “Пушкинской речи”? В итоге она в богатейшей и разнообразнейшей цитатной гирлянде просто теряется. То есть в таком тексте, где не хватает места для разговора о главном – смыслах “Пушкинской речи”, – побочные сюжеты кажутся излишними, например, живописнейшие и очень известные подробности о яствах в ресторане “Эрмитаж”.

Периодически вызывают вопросы или несогласие авторские суждения, оценки, подводки к цитатам. Так, в книге читаем: “Ходили слухи (их, как всегда, переносил Григорович), что “враждебная партия” тоже готовится к бою. Тургенев будто бы пытается устранить “всякий нехороший элемент” и следит, чтобы никакие “дисгармонии а la Катков” не пришли мешать торжеству. И действительно: билет на праздник, уже посланный Каткову, был отозван в самой сухой и грубой форме” [15, с. 745].

Для прояснения ситуации приведём отрывок из письма Тургенева В. П. Гаевскому от 24 апреля 1880 года: “Спичи <...> будут произноситься только теми лицами, имена которых будут находиться в списке, составленном Комитетом, чем устраняется всякий нехороший элемент <...> Мы можем быть уверены, что никакие дисгармонии а la Катков не придут мешать нам...” [6, с. 347].

Это письмо не случайно игнорируется Людмилой Сараскиной, Игорем Волгиным (в книге которого “Последний год Достоевского” сюжет о пушкинских торжествах занимает 125 страниц) и всеми в разной степени либерально-ориентированными авторами. Из данного источника видно, какая “партия” писала сценарий пушкинского праздника и чей план по устранению Каткова, озвученный больше чем за месяц до открытия памятника, сработал.

С тех пор мало что изменилось. В последние три десятилетия, как и в год пушкинских торжеств, сценарии любых литературных, культурных праздников, книжных ярмарок и т. п. пишутся либералами от власти и оппозиции, между которыми нет никакой разницы. Они – главные действующие лица и модераторы этих событий, по-тургеневски строго контролирующие их ход. Вот и в 2021-м, объявленном годом Достоевского, *vip*-участником и книжного салона в Петербурге, и фестиваля “Красная Площадь” в Москве был Дмитрий Быков. В своём бесовском опусе “Двести лет жести” он, наговорив, как всегда, много глупостей, назвал Достоевского “отцом русского фашизма” [11, с. 13]. Омерзительный бред Смердякова нашего времени предсказуемо не заметили и либерал-руссофобская общественность, и достоевсковеды. Молчит и Людмила Сараскина, к чьей книге возвращаемся.

На страницах, посвящённых “Пушкинской речи”, большое внимание уделяется её восприятию современниками – слушателями и читателями. В который раз (сотый или тысячный?) вслед за Достоевским рассказывает историю стариков (враждовавших двадцать лет и помирившихся под воздействием речи писателя), говорится о реакции Тургенева... Продуктивнее было бы рассмотреть основные идеи речи в разных идейно-временных контекстах.

Людмила Сараскина как человек умный, конечно, это понимает, но воспроизводит мировоззренческий контекст предельно узко, однобоко, делая упор на реакции “своих”: преимущественно Константина Леонтьева и Владимира Соловьёва. Для Достоевского, однако, человечески, идейно, духовно, творчески Леонтьев никогда не был своим. В его статье “О всемирной любви” бездоказательно, предельно предвзято, а местами просто примитивно критикуются “Пушкинская речь”, мировоззрение и произведение Достоевского. Своё отношение к данной работе, очень популярной в последние десятилетия у авторов разных направлений, мы выразили давно в статье “К вопросу о непонимании (Константин Леонтьев – Фёдор Достоевский)” [10].

Всё, что сообщает Людмила Сараскина о Владимире Соловьёве, – идеологически обусловленный краткий пересказ и точечное цитирование книги А. Ф. Лосева “Владимир Соловьёв и его время”. Сараскина сознательно игнорирует факты, источники, разрушающие устоявшиеся либерально-интеллигентские стереотипы восприятия Владимира Соловьёва. Источники, не прошедшие цензуру автора “Достоевского”, дают дополнительное представление о Л. Сараскиной, Вл. Соловьёве и той духовно-мыслительной традиции, которую они каждый по-своему представляют.

Итак, в книге Лосева утверждается, что “в 1882-1883 годах у Вл. Соловьёва произошёл крайний перелом в пользу римского католичества” [9, с. 411].

Говоря о последствиях данного события, Лосев, на наш взгляд, транслирует и бесспорные, и уязвимые мысли. Начнём с первых.

Основная продуктивная идея философа, выраженная современным языком, такая: уже во второй (1882) и в третьей (1883) речах о Достоевском Соловьёв ведёт гибридную войну с писателем. В одних случаях он приватизирует часть мировоззрения Достоевского, приписывая ему свои взгляды, как, например, во второй статье, где, напустив словесно-либерального тумана, Соловьёв говорит о примирении Востока и Запада через “союз вечной истины Божьей и свободы человеческой” [9, с. 413]. В других случаях, когда речь идёт особенно о национальных и религиозных вопросах, философ полемизирует с Достоевским.

Собственно, эта полемика и взгляды Соловьёва в целом не получают адекватной, православно-русской оценки Алексея Лосева. В редких случаях он сухо констатирует очевидное: в третьей речи Соловьёв “начинает восхвалять Рим в полном противоречии со взглядами Достоевского” [9, с. 411]. Но чаще всего Лосев солидарен с Соловьёвым. Например, его “перелом в пользу римского католичества” оценивается Алексеем Фёдоровичем как положительное явление: “тем самым наметился отход от национализма (?! – Ю. П.) и изолированного православия (?! – Ю. П.) Достоевского” [9, с. 411]. А цитата из Соловьёва (созвучная бездоказательно ярлычным высказываниям ненавистников Достоевского разных эпох): “он (Достоевский. – Ю. П.) же при всякой конкретной постановке национального вопроса становится выразителем элементарного шовинизма” – сопровождается более чем странным комментарием Лосева: “Таким образом, отношение Соловьёва к Достоевскому по национальным вопросам претерпело существенную эволюцию. Его никак нельзя характеризовать однозначно” [9, с. 413].

Алексей Лосев, а вслед за ним Людмила Сараскина и многие другие авторы, уходят от очевидных, неизбежных оценок Владимира Соловьёва как экумениста, русскоязычного мыслителя, не понявшего мировоззрение и творчество Ф. М. Достоевского и всю отечественную классику. И в такой позиции Л. Сараскиной нет ничего неожиданного. В трактовке же иных событий автор “Достоевского” не перестаёт удивлять.

Говоря о восприятии “Пушкинской речи” “своими”, Сараскина зачем-то делает ударение на бранных выражениях Константина Леонтьева, адресованных Владимиру Соловьёву. Однако они, впервые опубликованные в 1915 году, не могут подтверждать авторскую версию: “после Достоевского русские полемисты, занятые поиском русской идеи, в ещё большей степени, чем при Достоевском, забудут о чувстве элементарной вежливости” [15, с. 756].

Идея Сараскиной: Достоевский как своеобразный рубеж между невежливостью разной концентрации вызывает сомнения. В статьях и письмах литераторы стали бранно выражаться задолго до смерти Фёдора Михайловича. Да и сам он любил смачным словом припечатать недостойного человека, вредное явление. По мнению писателя, резко негативные и эмоционально заряженные суждения – средство в борьбе с либеральным злом. Вот какой совет даёт он “мягкому” Н. Страхову в письме от 24 марта (5 апреля) 1870 года: “Для них (западников всех мастей. – Ю. П.) надо писать с плетью в руках. Во многих случаях Вы для них слишком умны. Если б Вы на них поозартнее и погрубее (выделено Достоевским. – Ю. П.) нападали – было б лучше. Нигилисты и западники требуют окончательной плети” [5, с. 113].

Многочисленные высказывания Достоевского “с плетью в руках”, свидетельствующие об однозначно негативном отношении писателя к либералам разных поколений и имеющие прямое отношение к “Пушкинской речи”, в книге Сараскиной отсутствуют. Приведём высказывания Достоевского только о Тургеневе и Белинском. На полемике с последним построена почти вся “Пушкинская речь”.

“Смрадная букашка Белинский <...> именно был немощен и бессилён талантишком, а потому и проклял Россию и принёс ей сознательно столько вреда...” [5, с. 208]; “Нет, он (Белинский. – Ю. П.) никогда не задумывался над тем, что он сам гадок. Он был доволен собой в высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость” [5, с. 215]; “если б Белинский, Грановский и вся эта шушера...” [5, с. 215]; “современный дешёвый либерализм, к которому так многие прибегают из выгоды (начиная с свиньи Тургенева и кончая вором Пальмом)” [5, с. 315].

Разговор о природе рождения подобных высказываний позволяет увидеть фундаментальную несовместимость Достоевского с западниками и является ответом тем, кто в резких оценках писателя видел и видит проявление целовеконенавистничества и т. п. Легко установить закономерность, что “с плетью в руках” Достоевский говорит в тех случаях, когда чувствует себя “слишком оскорблённым” отношением западников к России, Богу, русскому народу, человеку. Неоднократные подтверждения тому мы находим в “Дневнике писателя” и в письмах Достоевского.

В декабре 1870 года отвечая либеральному “Голосу” А. Краевского, где сообщалось, что в Крымскую войну “успехи оружия союзников и поражения наши” вызывали радость, Достоевский вспоминает свою прямо противоположную реакцию на эти события: “Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда ещё в каторге и не радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастными и солдатами, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и – хоть и оставался ещё тогда всё ещё с сильной закваской шелудивого русского либерализма, проповеданного <...>ками вроде букашки навозной Белинского и проч.” [5, с. 145].

Русское чувство или то, что С. Есенин называл “чувством Родины”, – одно из главных отличий Достоевского от либералов разных поколений, лишённых этого чувства. Один из самых глубоких и пространных монологов Фёдора Михайловича на интересующую нас тему – его письмо к Аполлону Майкову от 16 (28) августа 1867 года. В нём есть два ключевых сюжета, заслуживающих внимания.

Достоевский рассказывает близкому другу о своей беседе с молодым прогрессистом-западником, постоянно живущим в Германии. Его жена и дети онемечились, а сам он бывает в России три недели в году, чтобы получить доход (очень современная история, не правда ли?). Разговор этого человека с писателем процитируем полностью, ибо он более чем убедительно показывает, что между либералами и Достоевским (как и всеми духовно русскими людьми) – непреодолимая пропасть, они представители двух разных народов, мировоззрение и система ценностей которых за истекшие 154 года существенно не изменились.

Итак, на вопрос Фёдора Михайловича: для чего его собеседник “экпатрировался”, последовал ответ:

“Здесь цивилизация, а у нас варварство. Кроме того, здесь нет народностей; я ехал в вагоне вчера и разобрать не мог француза от англичанина и от немца.

– Так, стало быть, это прогресс, по-вашему?

– Как же, разумеется.

– Да знаете ли вы, что это совершенно неверно. Француз прежде всего француз, а англичанин – англичанин, и быть самими собою их высшая цель. Мало того: это-то и их сила.

– Совершенно неправда. Цивилизация должна сравнивать всё, и мы тогда только будем счастливы, когда забудем, что мы русские, и всякий будет походить на всех. Не Каткова же слушать!

– А вы не любите Каткова?

– Он подлец.

– Почему?

– Потому что поляков не любит.

– А читаете вы его журнал?

– Нет, никогда не читаю” [4, с. 206-207].

Духовными отцами подобных, по выражению Достоевского, “либералишек и прогрессистов” были Иван Тургенев, Александр Герцен, Николай Утин, Николай Чернышевский. Фамилия Утина в этом ряду кому-то покажется случайной, инородной, большинству же читателей она не говорит ни о чём. В советском 30-томном собрании сочинений Достоевского комментаторами данного письма сообщается следующая “содержательная” информация о Н. И. Утине: “В 1863 г., будучи предупреждён о предстоящем аресте (очередная современная история. – Ю. П.), он эмигрировал за границу и жил сначала в Лондоне, затем в Женеве” [4, с. 450]. Сараскина приводит вышецитируемые строки из письма Достоевского Майкову в другом контексте, а фигура Н. Утина не привлекает её внимания. Думается, об Утине стоит сказать хотя бы кратко, ибо его биография позволяет приблизиться к пониманию

(отличному от преобладающего либерального) не только 1860–1880-х годов, но и всего постсоветского времени.

В годы эмиграции Николай Утин, сын богатейшего финансиста Исаака Утина (спонсировавшего через свою дочь Любовь, жену Михаила Стасюлевича, либеральные “Вестник Европы”, “Порядок”), был сподвижником Михаила Бакунина и Карла Маркса, основал “русскую секцию I Интернационала”. Однако такая деятельность не помешала Утину в 1870–1880-е годы сделать состояние в России, так как его покровителями были всемогущие Самуил Поляков и Гораций Гинцбург. Последнего, “главу еврейской партии” (В. Мещерский) в России, связывали дружеские и деловые отношения с В. Соловьёвым, В. Спасовичем, А. Пыпиным, М. Салтыковым-Щедриным, И. Тургеневым. Очевидные параллели с современностью проведите сами.

Нам же, подводя итог этому важнейшему микросюжету, остаётся согласиться с Иваном Дроновым: “Так, в причудливой судьбе Николая Исаковича Утина и его родственников наглядно отразилось столь характерное для пореформенной России сплетение в один змеиный клубок революционных организаций и еврейского капитала, и либеральных средств массовой информации” [7, с. 314].

Закономерно, что в письме к Ап. Майкову Достоевский характеризует тип либеральных отцов-идеологов на примере И. С. Тургенева. Символично, что именно с ним, лидером партии западников, у Фёдора Михайловича состоит словесное сражение через 13 лет во время пушкинских торжеств.

Черты “русских иностранцев”, отмеченные Достоевским у Алеко и Онегина, нашли более многогранное и концентрированное выражение в личности Тургенева. Его “аристократически-фарисейский”, “генеральский”, социальный эгоцентризм неприемлем для Фёдора Михайловича. Ещё больше его “раздражает” тургеневское отношение к русскому народу, России, Богу, достигшие в повести “Дым” логического предела, точки кипения. Главная мысль этого произведения в изложении Фёдора Михайловича выглядит так: “Если б провалилась Россия, то не было бы ни убытка, ни волнения в человечестве” [4, с. 210]. По версии Достоевского, Тургенев объяснил ему, что “это его основное убеждение о России” [4, с. 210].

Л. Сараскина, как и многие другие, считает, что, “описывая эту встречу в письме Майкову, Достоевский сильно сгустил краски” [15, с. 479]. Однако аргументы, подтверждающие сказанное, не приводятся. Ожидаем и другой довод в защиту Тургенева: нельзя отождествлять слова героя с позицией автора. Да, конечно, нельзя, когда между ними существует зазор, но в данном случае ситуация иная. Правота Достоевского подтверждается, в частности, письмами Тургенева Герцену от 5 (17) мая, 10 (22) мая, 23 мая (4 июня) 1867 года. Более того, Иван Сергеевич, называющий себя пятилетием раньше “европеусом” [18, с. 73], в год встречи с Достоевским своего Потугина именует “ограниченным западником” [18, с. 260] и жалеет о том, что “он ещё не довольно говорит” [19, с. 252]. То есть позиция самого писателя в некоторых вопросах была более западнически-радикальная, чем у Потугина.

Приведём одно высказывание Ивана Сергеевича о России, которое даже Потугин себе не позволяет, а у духовно-русских писателей оно в принципе невозможно: “Россия – не Венера Милосская в чёрном теле и в узах; это такая же девица, как и старшие её сестры – только что вот задница у ней пошире, – и она уже <...> (зря издатели Тургенева убрали это слово, хотя и без него национальное вырожденчество писателя очевидно. – Ю. П.) – и так же будет таскаться, как и те. Ну – рылом-то (! – Ю. П.) она в них не вышла, говоря языком Островского” [18, с. 65].

Достоевский же, о подобных мерзопакостных выпадах Тургенева не дозревавший, в изложении взглядов героя повести и её автора не “сгустил краски”, а наоборот – “разбавил”. Он, точно передав основную мысль одного из центральных монологов Потугина, по понятным причинам обрезал многочисленные, не менее ядовитые, бредовые боковые побеги его.

Есть смысл процитировать большую часть “шедевра” Потугина-Тургенева и потому, что это зерно, из которого выросли многочисленные “открытия” руссофобов XX-XXI веков: “. . . если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца всё то, что тот народ выдумал, – наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тартарары, и ни одного гвоздика,

ни одной булавочки не потревожила бы, родная: всё бы преспокойно осталось на своём месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут – эти наши знаменитые продукты – не нами выдуманы. Подобного опыта даже с Сандвичевскими островами произвести невозможно; тамошние жители какие-то лодки да копья изобрели: посетители заметили бы их отсутствие. <...> Старые наши выдумки к нам приползли с Востока, новые мы с грехом пополам с Запада перетащили, а мы всё продолжаем толковать о русском самостоятельном искусстве! Иные молодцы даже русскую науку открыли: у нас, мол, дважды два тоже четыре, да выходит оно как-то бойчее” [17, с. 232-233].

Первопричина такого отношения к России Тургенева и всех западников – их атеизм или неправославность как частный случай. Достоевский же, как известно, именно через православность человека определял его русскость. И признание Тургенева о своём “окончательном атеизме” [4, с. 210], сделанное в разговоре с Фёдором Михайловичем в 1867 году, хотя и было констатацией давнего и очевидного факта, не могло не вызвать соответствующей реакции Достоевского. В письме к Аполлону Майкову он очень точно характеризует мировоззренческую и ценностную сущность любого атеистического переворота.

На место Христа – высочайшего, недостижимого, вечно прекрасного идеала человека – ставится эгоцентрический индивид со всеми своими тварными грехами, возводимыми в норму. Некоторые черты, присущие Тургеневу и всем “русским иностранцам”, Достоевский называет: “бесстыдная раздражительность”, “легкомысленная гордость”, “пакостное самолюбие”, ненависть к самобытной России и преклонение перед цивилизацией Запада [4, с. 210-211].

Подчеркнём: в этих и других оценках Достоевский, вопреки распространённому мнению, предельно точен и объективен. Более того, через тип “русского иностранца” он диагностирует болезнь, прогрессирующую гигантскими темпами в XX-XXI веках. Религиозная “перекодировка” обязательно сопровождается изменением национальной идентичности человека. Так и Тургенев в разговоре с Достоевским, обиженный критическими отзывами его о немцах, заявил: “. . . я сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим!” [4, с. 211]. На эту наиважнейшую причинно-следственную взаимосвязь веры и духовно-национального самоопределения человека не обращают внимание ни Людмила Сараскина, ни многие другие авторы.

Вслед за Достоевским мы не можем не сказать об универсальном “рецепте” исцеления России, предлагаемом западниками всех времён. Тургенев, по версии Фёдора Михайловича, сказал ему: “. . . есть одна общая всем дорога и неминуемая – это цивилизация, и что все попытки русизма и самостоятельности – свинство и глупость” [4, с. 211]. (Через 100 лет глава КГБ СССР Юрий Андропов скажет, что главными врагами системы являются именно русисты – русские патриоты. . .) Вновь не возникает сомнений в том, что Достоевский не исказил слова Тургенева. Аналогичные мысли Ивана Сергеевича встречаются в десятках писем разных лет. Ограничимся одним характерным высказыванием писателя: “. . . изо всех европейских народов именно русский менее всех других нуждается в свободе. Русский человек, самому себе предоставленный, неминуемо вырастает в старообрядца – вот куда его гнёт – его прёт, – а вы сами лично достаточно обожглись на этом вопросе, чтобы не знать, какая там глушь и темень, и тирания. <...> Что же делать? Я отвечаю, <...> возьмите науку, цивилизацию – и лечите этой гомеопатией мало-помалу” [20, с. 14].

Достоевский, с едкой иронией предлагавший Тургеневу выписать из Парижа телескоп, чтобы лучше видеть Россию, думаем, прекрасно понимал: Ивану Сергеевичу уже ничего не поможет. Ибо он, как верно заметил тот же Достоевский, “потерял всякое чутьё России” [4, с. 211]. Самым наглядным подтверждением тому стал “Дым” – своеобразный творческий стриптиз, который доставил удовольствие, видимо, одному Тургеневу. В длинных и очень длинных монологах Потугина проявилось типичное, западническое сочетание очевидной фантазийности мировидения с не менее очевидным невежеством и убожеством суждений о России.

Подтвердим сказанное кульминацией повести – напутствием Потугина, данным во время прощания с Литвиновым: “Всякий раз, когда вам придётсЯ приниматься за дело, спросите себя: служите ли вы цивилизации – в точном и строгом смысле слова, – проводите ли одну из её идей, имеет ли ваш труд тот педагогический, европейский характер, который единственно полезен

и плодотворен в наше время, у нас? Если так – идите смело вперёд: вы на хорошем пути, и дело ваше – благое! Слава богу! Вы не одни теперь. Вы не будете “сеятелем пустынным”: завелись уже и у нас труженики... пионеры...” [17, с. 313].

Не будем перечислять “благие дела” – преступления XX-XXI веков, совершённые европейскими цивилизаторами в России и с Россией. Обратим внимание на другое: их идейными предшественниками были западники XIX века, Тургенев, в частности. Он в письме Александру Герцену от 27 октября (8 ноября) 1862 года, подобно Потугину, наставляет своего корреспондента: “...мы, русские, принадлежим и по языку, и по породе к европейской семье <...>, и, следовательно, по самым неизменным законам физиологии (разрядка наша. – Ю. П.) должны идти по той же дороге” [18, с. 67].

Комментарий этого потрясающего своей примитивностью подхода Герцен заканчивает так: “Общее происхождение нисколько не обуславливает одинаковость биографии” [18, с. 236]. Такую простую истину не могут и не хотят понять западники разных эпох, загоняя Россию в европейский дом. Цена же вопроса, о которой они любят рассуждать, в данном случае их не интересует в принципе. Зато данный вопрос неоднократно возникает у Достоевского, в “Объяснительном слове...” к “Пушкинской речи”, в частности: “Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм? А ещё толкуют о естественных науках! “Этого народ не позволит”, – сказал по одному поводу года два назад один собеседник одному ярому западнику. “Так уничтожить народ!” – ответил западник спокойно и величаво” [3, с. 132-133]. Собственно, этим – уничтожением народа – успешно занимаются современные реформаторы России 30 лет...

Палаческая по своей сути непреклонность западников по отношению к народу и России не знает ни сомнения, ни жалости. Вот и интеллигентный Тургенев в письме Герцену предлагает признать свою виновность перед “лицом всего европейского человечества” тем, кто не хочет “служить революции, европейским идеалам”, тем, у кого, по словам писателя, в голове “ещё не перебродила социально-славянофильская брага” [18, с. 68]. Единомысленники Тургенева в XX-XXI веках в борьбе с наследниками славянофилов или “русской партии”, по определению Достоевского, пошли дальше Ивана Сергеевича...

Ещё в 1980 году Юрий Селезнёв в книге “В мире Достоевского” привёл слова Виктора Шкловского, сказанные им на Первом съезде писателей СССР в 1934 году: “...если бы сюда пришёл Фёдор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследника человечества, как люди, которые судят изменника, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира” [16, с. 248]. Людмила Сараскина в предисловии к своей книге “Достоевский” уже на восьмой странице цитирует это высказывание кумира либеральной интеллигенции XX-XXI веков, о чём она, естественно, не сообщает. Думаем, не случайно Сараскина “погружает” слова Шкловского только в ленинско-горьковский, пролетарско-советский контекст, тем самым дезориентируя читателя в понимании истоков ненавистнического отношения к Достоевскому и русской классике вообще, сбросить которую с “парохода современности” либералы последовательно пытаются всё постсоветское время.

Скажем, на наш взгляд, об очевидном, о чём не говорится в книге Сараскиной. Западнически-либеральная традиция восприятия Бога, России, самодержавия, русского народа, Достоевского, в частности, ничем, по сути, не отличается от западнически-советской традиции. Как тут не вспомнить гениальную, универсальную формулу Игоря Шафаревича “Две дороги к одному обрыву”.

В то же время есть смысл уточнить: либеральная традиция ненавистнического отношения к Достоевскому более давняя и, как показали последние десятилетия, более живучая, чем советская. Чаще всего авторы 1920-1930-х годов вешали о Достоевском в унисон с западниками XIX века, и наоборот – современные либералы повторяют вслед за марксистско-ленинскими ортодоксами.

Тот же Юрий Селезнёв вспоминает критика А. Лажнева, который в 1934 году “установил ответственность Достоевского за то, что происходило в Германии, следующим образом: “Достоевский – славянофил, его друг идейный союзник – Аполлон Григорьев – тоже славянофил” <...>, а “фашизм – предел, куда вросло бы славянофильство, если б оно сохранилось до

наших дней” [16, с. 248]. Возвращаясь к упоминаемому опусу 2021 года либерального кумира, мы можем сказать: А. Лежнев и Д. Быков – близнецы-братья.

Непонятно, как разговор Сараскиной о “Пушкинской речи” можно заканчивать утверждением: “Русская идея, заключённая (кто её, бедную, заключил? – Ю. П.) в Пушкинской речи Достоевского, была идеей всепримирения” [15, с. 751].

Несмотря на то, что Достоевский неоднократно говорил о своём желании примирить западников и славянофилов и свою “Пушкинскую речь” воспринимал как шаг в этом направлении, основная идея его выступления другая. “Стать настоящим русским” – “стать братом всех людей” [3, с. 147] можно только по “Христову евангелиевскому закону” [3, с. 148], на что делает ударение писатель. А это, как следует из сказанного нами, невозможно из-за такого отношения западников к Богу, России, русскому народу.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 24. Л.: Наука, 1982. 518 с.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. Л.: Наука, 1983. 470 с.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 сентябрь–декабрь, 1880 август // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 26. Л.: Наука, 1984. 520 с.
4. Достоевский Ф. М. Письма 1860–1868 // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 28, к. 2. Ленинград: Наука, 1985. 616 с.
5. Достоевский Ф. М. Письма 1869–1874 // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 29, к. 1. Л.: Наука, 1986. 576 с.
6. Достоевский Ф. М. Письма 1878–1881 // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 30, к. 1. Л.: Наука, 1988. 456 с.
7. Дронов И. Е. Император Александр III и его эпоха. М.: Академический проект, 2017. 654 с.
8. Ланщикова А. П. О чём безмолвствует народ. М.: Алгоритм, 2012. 704 с.
9. Лосев А. Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая гвардия, 2000. 613 с.
10. Павлов Ю. М. К вопросу о непонимании (Константин Леонтьев – Фёдор Достоевский) // ВикиЧтение. – 2006. URL: <https://pub.wikireading.ru/176875>.
11. Быков Д. Двести лет жести // Собеседник. № 6. 2021. С. 11–14.
12. Павлов Ю. М. А. Блок как непоследовательный интеллигент, или Комментарий к поэме “Возмездие” // Ю. М. Павлов. Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX–XXI веков. М.: Литературная Россия, 2011. 304 с.
13. Павлов Ю. М. “Иски” русской классике [Электронный ресурс] // День Литературы. 2010. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=131074&p=1>.
14. Переписка И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. В 2-х томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. 676 с.
15. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с.
16. Селезнёв Ю. И. В мире Достоевского. М.: Современник, 1980. 376 с.
17. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. Сочинения в 15-ти томах. Т. 9. Повести и рассказы 1860–1867. М.–Л.: Наука, 1965. 560 с.
18. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. Письма в 13-ти томах. Т. 5. Письма 1862–1865. М.–Л.: Наука, 1963. 776 с.
19. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. Письма в 13-ти томах. Т. 5. Письма 1865–1867. М.–Л.: Наука, 1963. 640 с.
20. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. Письма в 13-ти томах. Т. 5. Письма 1867–1869. М.–Л.: Наука, 1964. 620 с.